

W 49
119

W 49
119

р 173
13375

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

•

СМЕРТИ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Филарета,

АРХІЕПИСКОПА ХАРЬКОВСКАГО И АХТЫРСКАГО.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1858.

Изъ I-ой книги «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ».

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Апрѣля 25 дня, 1858 года.

Цензоръ Н. Фонъ-Крузе.

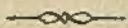

2007050403

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

О

СМЕРТИ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ.

Димитрій Іоанновичъ, князь Углицкій, сынъ царя Іоанна IV Грознаго, родился въ 1583 г., октября 19 дня. Мать его, Марія, была изъ рода Нагихъ. Предъ смертію своею царь, въ завѣщаніи, назначилъ Димитрію съ матерію въ удѣлъ городъ Угличъ, и ввѣрилъ его воспитаніе любимому и умному князю, Богдану Бѣльскому¹. Едва взошелъ на престолъ, братъ Димитрія, Θεодоръ, находившійся почти подъ опекою бояръ, Димитрія съ матерію (въ 1584 г.) послалъ изъ Москвы въ Угличъ; туда же сослали всѣхъ Нагихъ; для почести и охраненія Царевича приставлены были четыре приказа стрѣльцовъ, но это удаленіе Царевича изъ Москвы не могло не казаться ссылкой, и самъ Θεодоръ горько плакалъ, разставаясь съ братомъ; Бѣльскій, воспитатель, остался въ Москвѣ, на свою гибель. Въ 1591 году, мая 15 дня, Димитрій умеръ отъ руки убійцы. Черезъ 15 лѣтъ (въ 1606 г.) открыты были мощи св. Димитрія, и Царевичъ прославленъ, какъ страдалецъ, невинно умерщвленный злодѣями. Съ недавняго времени нѣкоторые начали полагать, что смерть Царевичу приключилась такъ, какъ о ней говорится въ слѣдственномъ дѣлѣ о смерти Царевича, т. е., что онъ не умерщвленъ, а, въ припадкѣ падучей болѣзни, закололъ себя². Это новое мнѣніе, не согласное съ древнимъ, заставляетъ предпринять изслѣдованіе о смерти Царевича Димитрія, князя Углицкаго.

Въ изслѣдованіи о смерти Царевича должны мы обратить вниманіе: 1) на достовѣрныя древнія повѣсти и лѣтописи, и 2) на свидѣтелей смерти Царевича.

1. Древнія повѣсти и лѣтописи, въ которыхъ говорится о смерти Царевича Димитрія, суть двоякаго рода: отечественныя

¹ Карамзинъ, Ист. Т. IX, стр. 317, 423, 434.

² Погодинъ, въ статьѣ: «Объ участіи Годунова въ убіеніи Царевича Димитрія». Краевскій, въ Энцикл. Лексик. 6, 359—361.

и иностранныя. Изъ числа отечественныхъ представляемъ, во первыхъ, Сказаніе объ осадѣ Лавры, келаря *Аврамія Палицына*. Сей сподвижникъ Пожарскаго и Минина представляетъ въ своемъ лицѣ современника кончины *Димитріевой*. Смерть Царевича предшествовала времени подвиговъ Палицына съ Пожарскимъ и Мининымъ только двадцатью годами. Первая послѣдовала 1591, мая 15; подвиги Палицына противъ Поляковъ относились къ 1612 году. Итакъ Старецъ, какъ называютъ его лѣтописцы, и слышалъ и видѣлъ, что происходило при царѣ *Θеодорѣ Іоанновичѣ*, слѣдов., имѣлъ удобства достовѣрно знать, какъ и отъ чего случилась смерть Царевича. *Аврамій* тѣмъ удобнѣ могъ знать о смерти Царевича, что Лавра, мѣстопробываніе *Аврамія*, ближе къ *Угличу*, чѣмъ Москва, и изъ многочисленныхъ ея иноковъ нѣкоторые могли узнать *Углицкое дѣло* короткимъ образомъ. На примѣръ, извѣстно, что въ вѣдѣніи *Троицкаго* архимандрита состоялъ монастырь, котораго угодья находились въ *Углицкомъ* и *Кашинскомъ* уѣздахъ, и слѣд., обязанность заставляла нѣкоторыхъ изъ *Троицкихъ* иноковъ отправляться въ *Угличъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ случай узнать *Углицкое дѣло* ³. Съ другой стороны не имѣемъ причины подозревать Палицына въ ненависти къ *Годунову*. Старецъ, признательный къ благодѣяніямъ, какія *Борисъ* сдѣлалъ для Лавры, щадить еще его; хочетъ нѣсколько извинить виновнаго отношеніемъ къ нему людей низкихъ душею, хотя не скрываетъ и правды. Сказавъ объ умѣ и славѣ *Бориса*, *Аврамій* говоритъ: «Врази, великимъ бѣдамъ замышленицы, отъ многія смуты ко грѣху сего (*Бориса*) низводятъ.» *Аврамій* говоритъ, что самъ невинный отрокъ, когда сталъ приходить въ возрастъ, былъ смущаемъ приближенными, слышалъ неблагоразумное негодованіе ихъ на его удаленіе отъ двора и брата, и, смущенный враждою другихъ, говорилъ иногда невыгодное о *Борисѣ*. Между тѣмъ сіи отзывы о *Борисѣ* переносимы были *Борису*. Объ обстоятельствахъ и родѣ смерти Царевича *Аврамій* повѣствуетъ: «Его же (*Царевича*), краснѣйшаго юношу, отсылають въ вѣчный покой и не хотѣща въ лѣто 7099 (1591). Егда же заколенъ бысть той незлобивый агнецъ, *Димитрій*

³ Извѣстны, на пр., *Старичанинъ Германъ*, препод. *Діонисій* и старецъ *Гурій*, уроженцы города *Ржева* и современники *Келаря*, старшіе его лѣтами. См. «Житіе пр. *Діонисія*». Описаніе *Святотроицкія Сергіевы Лавры* М. 1842, стр. 147, 148.

Царевичъ, тогда весь городъ Угличъ возмется, и емше убійць его, Данилку Битяговскаго и Никитку Качалова, и самаго Михаила Битяговскаго, смерти предаша.» О послѣдовавшихъ за тѣмъ событіяхъ пишетъ: «Борись же за тѣмъ убійць Угличанъ болѣе двоюсотъ человекъ погуби: овѣхъ въ Сибирь посла, а иныхъ въ темницахъ мотыми смертми умори; мать же его, царицу Марію, неволею постричи повелѣ, и пятнадцать лѣтъ въ скорби пребысть, отца жъ ея, Θεодора Пагова, со всеѣмъ родомъ его въ нужныя мѣста разосла даже и до смерти своея». Объ извѣстности такой смерти Царевича такъ говоритъ: «Слухъ же сей злый во всю Россію изыде, и многи скорбяще о невинной крови, нѣцїи же безъ страха, начаша извѣщеватися между собою о дѣлѣ семъ лукавомъ, и сія внидоша въ уши Бориса. Егда же Борисъ прослыша про себя въ народѣ ропоть о убіеніи Димитрія, прискорбенъ бысть»⁴.

Вотъ какое свѣдѣніе доставляетъ нашъ современный писатель о кончинѣ Димитрія! Онъ передаетъ намъ не то только, что самъ зналъ, а что извѣстно было всей Россіи. Онъ рассказываетъ объ обстоятельствахъ смерти кратко, но удовлетворительно, просто и съ ясными признаками не негодованія, а расположенія, благосклоннаго къ Борису.

Сергіева обитель представляетъ еще и другаго писателя о смерти Царевича Димитрія. Чернецъ обители пр. Сергія, *Германъ Тулуновъ*, Старичанинъ (уроженецъ города Старицы), переписывая житія Святыхъ мая мѣсяца, «повелѣніемъ,»—какъ говоритъ онъ самъ,—«и благословеніемъ тояжде обители господина архимандрита, Діонисія, въ 18 лѣто царя Михаила Θεодоровича», помѣщаетъ и «Убіеніе св. и благовѣрнаго Царевича». Послѣ означенія времени рожденія Царевича и нѣсколькихъ обстоятельствъ смерти его отца, Старичанинъ пишетъ: «пріять же тамо (Димитрій въ Угличѣ) многи скорби и гоненія отъ раба, зовамаго Бориса Годунова.... отуду же помышляти начатъ лукавый рабъ, какъ бы ему исторгнути корень, Богомъ избранный Царскій, сего тезоименитаго благочестиваго Царевича, не хотя оставить наслѣдника отеческому ихъ престолу, по немъ желая царство себѣ улучити. Скорбь же и тѣсноту сему благочестивому Царевичу нанося многожды, и смертнаго яда вкушеніемъ, злоторнымъ умышленіемъ посылая къ нему, восхотѣ злѣй смерти предати.... Таже нѣкія отъ едиnorodныхъ

⁴ Сказаніе о осадѣ Троицк. Сергіева монастыря, изд. 1784, 1820, стр. 3, 4.

себѣ призва... Единъ же отъ нихъ, именемъ Даниилъ, прослы-
тѣемъ же Битяговскій, другій же Никита Качаловъ, тако зово-
мый, и ины.... Внезапу же ишедшу св. Отроку, по дѣтскому обы-
чаю, на играніе, абіе же, яко волцы немилостивіи, нападше на
Святаго. Единъ же отъ нихъ извлекъ ножъ напрасно (внезапно)
ударилъ святаго по выи его, и прорѣза гортань ему» и проч. Послѣ
сего Старичанинъ говоритъ о побіеніи убійцъ Димитрія народомъ,
о прославленіи юнаго мученика, и о томъ, что главный убійца
хотя и получилъ царство, коего домогался, но не остался безъ на-
казанія. Здѣсь новое, чего нѣтъ у Аврамія, находимъ то, что Го-
дуновъ, по властолюбивымъ замысламъ, употреблялъ разныя мѣры
лишить Царевича жизни. О достовѣрности извѣстій Германа на-
добно тоже сказать, что и объ Авраміѣ.

Современникъ Аврамія, при царѣ Василіѣ Шуйскомъ, или
вскорѣ послѣ него писавшій *Вкратцѣ о царехъ Московскихъ, о обра-
зѣхъ ихъ, и о возрастѣ, и о нравѣхъ*, самыми лестными чертами опи-
сываетъ достоинства царя Бориса, его мудрость въ правленіи и
заботливость о подданныхъ, но присовокупляетъ: «едино имѣя не-
исправленіе и отъ Бога отлученіе, ко властолюбію несытное же-
ланіе и на преждебывшихъ ему царей ко убіенію имѣя дерзно-
веніе; отъ сего же и возмездіе пріятъ»⁵. Объясняя покушеніе Бо-
риса на смерть Царевича изъ расположеній души Борисовой, пи-
сатель имѣлъ право отозваться о Борисѣ, какъ объ убійцѣ царей.
Предубѣжденій же противъ Бориса здѣсь нѣтъ и слѣда.

Въ рукописи, составленной при патр. *Филаретѣ*, говорится,
между прочимъ: «Цѣлы и невредимы мощи (св. Царевича) обрѣтѣна-
ся, кромѣ взятыхъ частей отъ требующей земли: и земли бо жаждетъ
насладиться отъ плоти праведныхъ, да сама освятится отъ скверно-
убійственныхъ дланей, и не только плоть бысть въ цѣлости св.
Страдальца, но и ризы. И убіенъ бысть отъ безбожныхъ измѣн-
никъ» и пр. Не имѣемъ нужды настаивать на то, что это пишетъ
самъ патр. Филаретъ; довольно, если это говоритъ современникъ
Филарета, а еще лучше, если нѣсколько современниковъ составляли

⁵ Русск. Достопамят. ч. I, стр. 174. Сочинитель начинаетъ свое описаніе съ
царя Ивана Васильевича Грознаго и оканчиваетъ цар. Вас. Ив. Шуйскимъ.
Строевъ (Матеріалы для ист. литер. §. 150; 167) говоритъ, что это не
Кубасовъ, а Кн. Хворостининъ. Но кто бы онъ ни былъ, только описаніе
его составлено не при царѣ Алексѣѣ.

рукопись ⁶; ибо тѣмъ болѣе будетъ людей, близкихъ ко времени смерти Царевича, которые говорятъ о насильственной смерти Царевича.

Весьма важны *Углицкія* Лѣтописи, числомъ пять, какъ по тому, что древностію приближаются ко времени смерти Царевича, такъ и по тому, что писаны на мѣстѣ самаго событія. Важна также *Ростовская* лѣтопись по близости къ Угличу, который принадлежалъ къ Ростовской епархіи ⁷. А всѣ онѣ говорятъ о убіеніи Царевича Годуновымъ.

Хронографъ, оканчивающійся вступленіемъ на престолъ царя Алексѣя Михайловича, сообщаетъ краткое, но достаточное, замѣчаніе о смерти Царевича: «того же,—говоритъ онъ,—лѣта (7099=1591), мая 15, убіенъ бысть благовѣрный Царевичъ Князь Димитрій Ивановичъ Углицкій, повелѣніемъ Московскаго боярина Бориса Годунова» ⁸.

Повѣсть о разореніи Московскаго государства, составленная келаремъ *Симономъ* ⁹ при царѣ Алексѣѣ, о кончинѣ Царевича говоритъ такъ: «Осмилѣтну суцу, пребывающую тамо (въ Угличѣ), съ матерію своею, Марією Θεодоровною, сему благовѣрному Царевичу, Димитрію, Борисъ Годуновъ убійца бываетъ, пославъ злосовѣтниковъ къ нему, яко бы на соблюденіе, Михалка, да сына его, Данилка, Битяговскихъ, Пикиту Качалова, съ товарищи. Таже окаяніи, по Борисову приказу, заклаша его ножемъ безвинно, такова юна и безгрѣшна суца, въ лѣто 7099. Сами же окаяніи убійцы въ то жь время мзду своего беззаконія воспріяша, отъ народа растерзани быша». Далѣе говорится, что Годуновъ принуждалъ Навигихъ свидѣтельствовать, что будто Димитрій самъ закололся, и что Угличане за правое свидѣтельство преданы различнымъ жестокимъ наказаніямъ ¹⁰. Замѣтимъ, что старецъ Германъ Тулуновъ, по сви-

⁶ См. Предисловіе Муханова къ изданной рукописи Филарета, М. 1837 г.

⁷ Углицкія Лѣтописи имѣлъ въ рукахъ г. Кисель (Исторія Углича. Ярославль, 1844 г., стр. 258, 259). Жаль, что онъ не сдѣлалъ выписокъ ни изъ одной изъ нихъ; не сказалъ и того, какимъ годомъ онѣ оканчиваются, а только замѣтилъ: «древностію восходятъ ко времени самаго происшествія.» Выписки изъ Ростов. лѣтоп. у Карамзина.

⁸ Ркп. въ Библ. Моск. Дух. Академіи, л. 592.

⁹ Это видно изъ собственноручныхъ его поправокъ на черновомъ экземплярѣ «Повѣсти.» Черновой и переписанный экземпляры хранятся между рукоп. Моск. Дух. Академіи.

¹⁰ Рукоп. «Сборникъ житій Святыхъ» въ Библ. Сергіевой Лавры.

дѣтельству келаря Симона, біографа пр. Діонисія, былъ не только книгописцемъ, но и учителемъ пр. архим. Діонисія, что не только говоритъ о его современности убіенію св. Димитрія, но подаетъ мысль, не свое ли сочиненіе—о убіеніи св. Димитрія—помѣстилъ онъ между житіями Святыхъ?

Оставляемъ краткія извѣстія о смерти Царевича, какія находимъ въ повѣсти князя Шаховскаго на память Царевича ¹¹, въ Русскомъ Временникѣ ¹², и въ Лѣтописцѣ, написанномъ изъ старыхъ лѣтописцевъ ¹³. Эти извѣстія относятся ко времени ц. Алексѣя Михайловича. Оставляемъ и полнѣйшія извѣстія Лѣтописи о мятежахъ, Лѣтописей: Никоновской, Морозовской, Ростовской, изъ которыхъ Карамзинъ заимствовалъ подробную исторію убіенія Димитрія. Содержаніе всѣхъ ихъ одинаково: всѣ говорятъ, что Димитрій умерщвленъ по волѣ Годунова.

Такимъ образомъ Русскія записки и лѣтописи: а) согласно между собою говорятъ, что Царевичъ Димитрій умеръ насильственною смертію отъ руки злодѣевъ; б) всѣ онѣ выставляютъ Годунова участникомъ въ смерти Царевича, а нѣкоторые изъ этихъ извѣстій писаны людьми, жившими въ то самое время, какъ послѣдовала смерть Царевича; другія—людьми, жившими близко ко времени смерти его, такъ что могли видѣть и слышать современниковъ; нѣкоторые извѣстія составлены людьми, которые могли узнать истину въ точномъ ея видѣ, какъ по внѣшнимъ своимъ обстоятельствамъ, такъ и по способностямъ ума, а по нравственнымъ качествамъ расположены были узнавать и говорить правду; безукоризненность другихъ защищается, по крайней мѣрѣ, согласіемъ ихъ съ первыми.

Иностранцы, *Беръ* ¹⁴, *Петрей*, *Маржеретъ* ¹⁵, *Паерле* ¹⁶, писатели двухъ Польскихъ дневниковъ о Самозванцѣ, *Жолтвскій*, быв-

¹¹ Рукопись Моск. Дух. Академіи № 192. Шаховской сосланъ былъ при ц. Михаилѣ, а повѣсть писана при ц. Алексѣѣ Михайловичѣ.

¹² Русск. Врем. ч. 2, стр. 631.

¹³ Рукопись Моск. Дух. Акад. № 178.

¹⁴ «Подкупленные имъ нѣсколько человекъ зарѣзали Царевича на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно игривалъ.» Сказ. соврем. о самозв., стр. 4, изд. Устряловымъ, 5 частей. Слб. 1831—1834 (Записки Бера, Паерле, Маржерета, Маскѣвича, Де-Ту, два дневника).

¹⁵ «Борись принялъ мѣры, разставилъ убійцъ; Димитрія подстерegli, когда онъ сходилъ съ крыльца и закололи.» Стр. 129.

¹⁶ «Годуновъ... склонилъ на свою сторону нѣсколько Москвитянъ и послалъ ихъ въ Угличъ—тайно умертвить Димитрія.» Стр. 2.

шіе въ Россіи при Годуновѣ и Самозванцахъ, Канцлеръ *Замойскій*, король *Сигизмундъ*, *Шаумъ*, Нѣмецъ Шведской службы, участвовавшій въ походахъ Шведовъ въ Россію до конца 1613 года, *Де-ту*, заимствовавшій свѣдѣнія частію у тѣхъ же писателей, частію изъ другихъ источниковъ, Курляндецъ *Рейтенфельсъ*, жившій въ Москвѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ 17, также пишутъ о убіеніи Димитрія. *Маржеретъ* прибылъ въ Россію спустя годъ послѣ смерти царевича, *Беръ* — въ 1600 г., *Петрей* — въ 1608 г. Маржеретъ былъ капитаномъ гвардіи Лжедимитрія. Гетманъ *Жолкѣвскій*, котораго записки о войнѣ Московской отличаются и вѣрностію взгляда на предметы, и безпристрастіемъ, представляетъ исторію смерти Царевича согласно съ нашими лѣтописями, даже относительно подробностей дѣла. Правда, нѣкоторые изъ этихъ иностранцевъ говорятъ объ участи Царевича Димитрія. не во всемъ одинаково. Но на это были свои причины, нынѣ очень извѣстныя. Такъ Маржеретъ и Паерле утверждаютъ, что хотя по волѣ Годунова убить въ Угличѣ Димитрій, но то былъ не истинный сынъ Грознаго Іоанна, а подложный, и что будто истинный Димитрій спасенъ былъ. Это говорятъ приверженцы Самозванца, которыхъ обличаетъ даже Жолкѣвскій 18. Исключая изъ этихъ извѣстій выдумку, чи-

¹⁷ De rebus Moscoviticis, 1680. Сл. М. Евгенія Словарь 2, 148. Сочиненіе Шаума о Лжедимитріѣ, изд. въ «Чтеніяхъ въ Общ. истор. и древн. Росс. при Моск. Унив.» 1847, № 2. Шаумъ пишетъ: «Борисъ Годуновъ подкупилъ нѣкоторыхъ Димитріевыхъ прислужниковъ къ измѣнѣ, и подарками подкупилъ ихъ умертвить своего господина.» Записки Жолкѣвскаго, перев. съ Польск. М. 1835. Исповѣдь Кор. Сигизмунда заключается въ его Инструкціи послу Самуилу Грушецкому, данной 16 апр., 1612 г. Вотъ что говоритъ Сигизмундъ: «Въ безпечности Θεодора, который на нашей памяти царствовалъ послѣдній, владѣніе перешло къ Годону (Годунову), частному человѣку. Но поелюку сей послѣдній не умѣлъ пользоваться столь великимъ счастіемъ, то, въ слѣдствіе пустаго страха, что будто бы ожилъ Димитрій, котораго онъ тайно умертвилъ въ царствованіе Θεодора, былъ свергнутъ съ престола и оставилъ осиротѣвшее государство. Ибо и тотъ, который подъ ложнымъ именемъ Димитрія, съ помощью Польскихъ войскъ, вторгнулся въ государство, былъ убитъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ самими Москвитянами, наскучившими такимъ обманомъ». Инструкція въ перев. и въ Латинск. подлинникѣ изд. въ «Чтен. въ Общ. истор. и древн. Росс.» 1848 г., № 4).

¹⁸ Г. Новаковскій, для полученія степени доктора Философіи, написалъ разсужденіе: «De Demetrio 1-mo, magno Russiae Duce, Iwani filio. Berolini 1839.»

таемъ исторію о убіеніи Царевича. Другія разнорѣчія не составляютъ противорѣчій. На примѣръ, Беръ говоритъ, что Царевича зарѣзали на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ игралъ; де-ту слышать отъ разныхъ лицъ, что Димитрія подстерегли, когда онъ сходилъ съ крыльца. Противорѣчіе ли это? Петрей пишетъ, что будто Царевичъ вышелъ на крыльцо по случаю пожара. Но извѣстно, что какъ скоро узнали о смерти Царевича, произошла большая тревога, — били въ набатъ, многіе думали и говорили о пожарѣ; особеннаго ничего нѣтъ, если Петрей говоритъ (слова его повторяетъ и Шаумъ), что именно по случаю сего пожара вышелъ Димитрій на крыльцо. Но если бы и не знали, чѣмъ объяснить разнорѣчія трехъ повѣствователей: въ правѣ ли мы вовсе не вѣрить имъ? Если мы знаемъ, что иностранцы рѣшительно приписываютъ Годунову замысль на жизнь Царевича; что другіе изъ нихъ прямо говорятъ и объ исполненіи замысла надъ сыномъ Грознаго; что болынею частію они согласны и въ подробностяхъ, то съ чего не довѣрять главному извѣстію ихъ, что Царевичъ умеръ отъ руки злодѣевъ?

Но чтобы видѣть, имѣли ли эти писатели основанія для извѣстія объ умерщвленіи Царевича, выпишемъ нѣсколько мѣстъ изъ ихъ сказаній. «Московскіе Бояре,» — пишетъ Наерле, — «въ 1606, іюня 6, спустя 15 лѣтъ послѣ смерти св. Царевича, предъ послани Польскими читали бумагу слѣдующаго содержанія: «За нѣсколько

Это не болѣе, какъ юношеская, т. е., смѣшная попытка. Новаковский указываетъ на отзывы Товянскаго, Маскѣвича и другихъ искателей приключеній. Видно, что онъ мало знакомъ съ дѣломъ. Онъ могъ бы указать еще на почтенныхъ отцевъ Езуитовъ: Лавицкаго и Чиржовскаго, отправлявшихся въ Москву насаждать и распространять католичество (Adelung, Uebersicht der Reisenden in Russland, T. I, 10, перев. въ «Чтен. въ Общ. ист. и древн. Росс.», стр. 13, 14, 1848, № 9). Ему, кажется, неизвѣстно даже и то, что «Conquista di Demetrio,» писано почтеннымъ Езуитомъ Поссевиномъ, который былъ такъ неутомимъ въ заботахъ о Московіи, и что это сочиненіе, изданное еще 1605 г., другимъ Езуитомъ, Москверою, тогда же переведено было на Испанскій языкъ и издано въ 1606 г. («Чтен. въ Общ. ист. и древн. Рос.», 1848 г., № 5). Кто нынѣ, когда столько извѣстно документовъ о подвигахъ О. Езуитовъ въ отношеніи къ Русской Церкви, о дѣлахъ достойнаго ихъ питомца, Сигизмунда, и о нравственности шляхты тѣхъ временъ; кто нынѣ, дорожа своею честію, отважится доказывать, что Лжедимитрій былъ истинный сынъ Іоанна Грознаго? Канцлеръ Замойскій называлъ исторію Самозванца Теренціевою комедіею, и это самое вѣрное названіе ей. См. сознаніе Сигизмунда въ прим. 17.

предъ симъ лѣтъ, по смерти нашего в. к. Ивана Васильевича остались два сына: старшій изъ нихъ, Феодоръ, вступилъ на престолъ, а младшій, Димитрій Іоанновичъ, еще юный лѣтами, получилъ въ удѣлъ отъ своего отца три отдѣльные княжества и жилъ въ городѣ Угличѣ; но въ послѣдствіи, за наши грѣхи, по волѣ Всемогущаго, Борисъ Годуновъ погубилъ Царевича, а самъ овладѣлъ престоломъ Вел. Княжества, и проч. Панъ Гонсѣвскій, по окончаніи рѣчи, отвѣчалъ боярамъ: «Всемилоостивѣйшій Государь нашъ, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, получилъ извѣстіе, что, по кончинѣ в. к. Ивана Васильевича, остался юный сынъ, Димитрій Іоанновичъ, коему отецъ, при жизни своей, пожаловалъ Княжество Углицкое съ двумя другими; потомъ разнеслась молва, что Царевичъ тайно умерщвленъ Борисомъ, къ великой горести всѣхъ Поляковъ: мы оплакивали сію кончину изъ христіанскаго состраданія»¹⁹. Рѣчь бояръ Московскихъ напечатана въ Дневникѣ самого же посла Гонсѣвскаго, предъ которымъ она была говорена²⁰. Въ томъ же Дневникѣ Гонсѣвскаго 1606 г., мая 27, Польскій посолъ, панъ Велижскій, между прочимъ, говоритъ боярамъ нашимъ: «У насъ было извѣстно, что, по смерти Государя вашего, Ивана Васильевича, остался сынъ, Димитрій; потомъ пронесся слухъ, что Борисъ Годуновъ велѣлъ убить его для своей выгоды». Это было сказано въ отвѣтъ на рѣчь Пацокина, который, отъ имени Русскихъ бояръ, говорилъ посламъ, что послѣ Ивана Васильевича остался сынъ, Димитрій, и что злые люди лишили его жизни²¹. Въ Дневникѣ Марины Мнишекъ пишется, что 1606 г., іюня 23, панъ Малаховскій отвѣчалъ нашимъ боярамъ: «Извѣстно было у насъ, въ Польшѣ, что Борисъ велѣлъ умертвить Царевича, о чемъ мы, Поляки, сердечно сожалѣли по долгу христіанскому»²². Итакъ въ Россіи знали, что Борисъ погубилъ Царевича; въ Польшѣ знали,

¹⁹ Паерле, стр. 78, 79, 82. Сія рѣчь помѣщена и въ собр. Польск. диплом. бумагъ. Карам. Т. XII, прим. 35.

²⁰ Сказанія современ. о Самозванцѣ, ч. 4, стр. 195.

²¹ Сказ. соврем. ч. 4, стр. 182, 183.

²² Сказ. соврем. ч. 4, стр. 66. Въ Собраніи Государств. грамотъ, ч. 3, № 13, читаемъ Польскую посольскую грамоту 9 іюня, 1612 г. Паны Рада писали въ Москву: «Вѣдомо то всѣмъ людямъ, яко еще Борисъ Феодор. Годуновъ, Государскаго сына, Велик. Князя, Димитрія Іоанновича, Углицкаго, на Угличѣ съ совѣтники убилъ.» Потомъ, упоминая о Самозванцѣ, говорятъ, что Богъ послалъ его на помету невинныя крови невиннаго младенца, Князя Димитрія.» Сказаніе короля Сигизмунда см. въ прим. 17.

что Царевичъ умерщвленъ Борисомъ и оплакивали кончину его. *Петрей*, обличая самозванство перваго Лжедмитрія, пишетъ: «Знатный Польскій вельможа, Янъ Сапѣга, говорилъ, что на зло Россіянамъ, Дмитрій, сынъ Ивана Васильевича, умерщвленный, и въ Угличѣ, и въ Москвѣ, опять воскресъ, и долженъ покорить ихъ, хотя бы они перебѣсились отъ досады». Сапѣга былъ начальникомъ Польскихъ войскъ, опустошавшихъ Россію во время Самозванцевъ. Кромѣ того, *Петрей* и *Де-Ту* знаютъ о свидѣтельствѣ царицы Марѣы, которое произнесла она предъ смертію Лжедмитрія о убіеніи сына ея въ Угличѣ ²³.

*Беръ*²⁴ указываетъ на пѣйную дворянку Тизенгаузенъ, служившую у царицы Марѣы повивальной бабкою, и жившую съ нею въ Москвѣ и въ Угличѣ, которая увѣряла Бера, что Дмитрій Царевичъ зарѣзанъ въ Угличѣ; Беру же въ Угличѣ маститый старикъ, бывший слуга царицы, перекрестясь, отвѣчалъ: «Сынъ Ивана дѣйствительно зарѣзанъ здѣсь, въ Угличѣ; я видѣлъ его и живаго и мертваго ежедневно; онъ зарѣзанъ подосланными злодѣями на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ всегда игралъ». Само по себѣ понятно, что и другіе иностранцы, тѣ, которые жили въ Россіи, черезъ годъ, или 10 лѣтъ, могли узнавать истину отъ многихъ, близкихъ къ дѣлу людей ²⁵.

Итакъ извѣстія иностранцевъ: говорятъ, а) что Дмитрій умерщвленъ по волѣ Годунова; б) извѣстія эти писаны людьми, которые были въ Россіи, черезъ годъ, черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Царевича, и потому имѣли удобства получить свѣдѣнія о дѣлѣ; в) извѣстія эти составлены не одними частными людьми, но и людьми государственными, которые имѣли нужду и средства узнавать подобныя политическія происшествія; г) въ нѣкоторыхъ изъ нихъ указывается на показанія очевидцевъ; въ другихъ свидѣлствуются дипломатическими бумагами, гдѣ и Россія и Польша говорятъ о насильственной смерти Царевича;

²³ Chron. Moskov. Lipsiae 1620, pag. 373, 348. Прим. 79 къ Беровой лѣтоп. Де-Ту въ семъ случаѣ основывается на донесеніи Петра Петерсона, бывшаго тогда въ Россіи, стр. 157, 158.

²⁴ Берова лѣтоп. стр. 104.

²⁵ На пр., Шаумъ пишетъ: «а что въ томъ (въ убіеніи Дмитрія) нѣтъ никакого сомнѣнія, свидѣтель самъ Шуйскій. Пбо онъ потомъ, бывъ избранъ Великимъ Княземъ, часто рассказывалъ о семъ приключеніи чужестранцамъ и тамошнимъ жителямъ, подтверждая тяжкими клятвами. Стр. 6.

д) разности между нѣкоторыми иностранными свѣдѣніями вовсе не мѣшаютъ видѣть истину, а еще болѣе открываютъ ее.

А потому, соображая Русскія и иностранныя извѣстія, видимъ что напрасно говорили, будто извѣстія о насильственной смерти Царевича составлены изъ угожденія Романовымъ. О убіеніи Димитрія говорятъ и Русскіе и иностранцы, и говорятъ гораздо прежде воцаренія Михайла Ѳеодоровича.

Несправедливо писали, будто тѣ же извѣстія составлены ненавистно къ Борису Годунову, потому что о убіеніи Димитрія знали въ Польшѣ тогда, когда еще никто не думалъ о Лжедимитріѣ, чтобы въ его пользу напрасно обвинять Годунова. Въ Россіи знали о томъ же во время самой смерти Царевича, когда еще предшествовавшія дѣла Бориса заставляли любить его. Да и гдѣ эта слѣпая ненависть къ Борису? Народъ благословлялъ Бориса за его благодѣтельные распоряженія. «И таковыхъ ради строеній всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть», говоритъ Палицынъ. Тѣ, которые пишутъ объ участіи Бориса въ смерти Царевича, ни мало не обнаруживаютъ ненависти къ Годунову, а напротивъ отдаютъ все должное его качествамъ. Вся Россія обвиняетъ его въ смерти Царевича? Но что жъ дѣлать, когда вся Россія знала этотъ грѣхъ за Борисомъ.

Несправедливо и то, будто всѣ извѣстія о насильственной смерти Царевича основаны только на молвѣ народной. Если бы и не было указано въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ на свидѣтелей смерти Царевича, и тогда не имѣли бы права такъ думать объ основаніи извѣстій относительно смерти Царевича. О убіеніи Димитрія пишутъ такіе люди, которые не были ни безъ средствъ повѣрять молву, ни безъ любви къ дознанію правды. Палицынъ пишетъ: «Слухъ сей злый (о убіеніи Димитрія) во всю Россію изыде, и многи скорбяще о неповинной крови, нѣцыи же безъ страха начаша извѣщаватися о дѣлѣ семъ лукавомъ.» И тогда же, въ слѣдъ за первою вѣстію о смерти Царевича, нѣкоторые стали смѣло, не взирая на силу Годунова Правителя, дознаваться о дѣлѣ, т. е., спрашивали другихъ, отыскивали людей, коротко знавшихъ дѣло, испытывали, повѣряли. Слѣдовательно, не слѣпо вѣрили молвѣ, не на ней останавливались. Такъ было въ слѣдъ за смертію. То же и, безъ сомнѣнія, съ лучшими послѣдствіями, было въ послѣдующее время. Правда всегда дорога. Далѣе: подробности, съ какими говорятъ намъ о смерти Царевича, сами по себѣ уже

показываютъ, что извѣстіе о насильственной смерти Димитрія — не плодъ молвы, а исторія. Намъ показаны лица, участвовавшія въ смерти Царевича, мѣсто, время, орудіе смерти, жертвы, павшія невинно въ слѣдствіе той же смерти. Сколько собственныхъ именъ въ исторіи смерти Царевича! Качаловы, Битяговскіе, Волоховы, Нагіе, Загряжскій, Чепчуговъ. Григорій Васильевичъ Годуновъ является противникомъ насильственныхъ мѣръ. Сколько частныхъ обстоятельствъ, которыми обставлена смерть Димитрія! Осипъ Волоховъ спрашиваетъ на крыльцѣ Димитрія: «У тебя, Государь, новое ожерелье»,—и Димитрій, съ дѣтскою простотою, поднявъ голову, отвѣчаетъ: «Нѣтъ, старое». Волоховъ, нанесъ неудачный ударъ, оробѣлъ при крикѣ кормилицы и бросился бѣжать, а Битяговскій и Качаловъ доканчиваютъ дѣло злодѣевъ. Тутъ говорить не мѣла. Тутъ все такъ обстоятельно, а вмѣстѣ такъ естественно и просто, что видѣнъ только рассказъ вѣрнаго историка дѣла. Конечно, если бы такой рассказъ составленъ былъ въ XIX вѣкѣ, то могли бы признать его за что-то похожее на произведеніе искусства. Но извѣстно, что ни при царѣ Шуйскомъ, ни при царѣ Михайлѣ Ѳеодоровичѣ не писали у насъ трагедій, или романовъ.

Обратимся отъ повѣствователей къ содержанию извѣстій ихъ. Прежде всего: была ли нужна смерть Царевича Годунову, или кому бы то ни было изъ вельможъ, когда Димитрій, рожденный отъ седьмаго брака Іоаннова, едва ли имѣлъ право на престолъ? Но Димитрія называли Царевичемъ, его братъ—царь и все Государство, его имя поминали на ектеніяхъ, и онъ окруженъ былъ царскимъ дворомъ. Самъ Борисъ указывалъ въ немъ сына царскаго даже старшему брату, Ѳеодору. Когда митр. Діонисій и нѣкоторые вельможи представляли царю, Ѳеодору, что супруга его, сестра Годунова, неплодна, и потому, для спокойствія Государства, Ѳеодору остается вступить въ новый бракъ, Борисъ говорилъ м. Діонисию, что хуже для Государства, если у Ѳеодора будутъ дѣти, такъ какъ тогда начнутся междуусобія между ними и дядею, Димитріемъ: такъ Годуновъ убѣжденъ былъ въ правахъ Димитрія на престолъ. Показывалъ ли Годуновъ желаніе вѣнца царскаго? Тотъ же отвѣтъ Годунова митрополиту показываетъ, что Годуновъ довольно задолго прежде смерти Димитрія обнаруживалъ домогательство удержать престолъ царскій, какъ можно, ближе къ себѣ. И какъ велико было домогательство! Какія страшныя жертвы принесло оно своей нечистой цѣли! Бояре за то, что

хотѣли отнять у Бориса надежду на престолъ и власть, дорого платились Борису. Годуновъ въ 1586 г. заставилъ слугу Шуйскихъ сдѣлать доносъ на Шуйскихъ въ измѣнѣ царю. Андрей Ивановичъ и Иванъ Петровичъ, не смотря на отличныя заслуги ихъ отечеству, схвачены и отпращены были въ ихъ отчины; слугъ пытали пытками, но ничего не узнали, и, однако, Шуйскихъ отпращивали потомъ на Бѣлоозеро, гдѣ и удавили. Князья: Татевъ, Урусовъ, Кольчевъ, Быкасовы, приверженцы Шуйскихъ, разосланы въ разные города по темницамъ. Діонисій митрополитъ и Варлаамъ, Крутицкій епископъ, свергнуты и заточены въ Повгородскіе монастыри. Пусть Годуновъ домогался въ это время не прямо вѣнца царскаго, а только хотѣлъ удержать при себѣ ту власть, которою облеченъ былъ. Но далеко ли было отъ одного желанія до другаго? А въ положеніи бездѣтнаго Феодора Ивановича, а въ положеніи Бориса, которому и тогда не доставало только имени царя, то и другое—власть и корона—означало почти одно и то же.

Защитники чести Годунова говорятъ: «Борисъ, не покушался на жизнь Царевича Димитрія, могъ достигнуть престола: онъ располагалъ духовенствомъ, имѣлъ сильную сторону между боярами, привлекъ къ себѣ народъ благодѣянiями, такъ что, по смерти Феодоровой, Россія умоляла Бориса принять царскій вѣнецъ». Но послѣднее было не при жизни Царевича, а по смерти. Русскій народъ слишкомъ любилъ родъ царей своихъ, чтобы могъ промѣнять Димитрія на Бориса. Это ясно видимъ въ исторіи Димитрія ложнаго. Едва явился онъ съ именемъ сына царя Ивана Васильевича, какъ Борисъ, рожденный бояриномъ, отвергнуть. «За этого Димитрія говорила спасенная невинность». Но противъ него было самозванство, въ которомъ увѣрялъ бояръ и народъ патр. Іовъ, предавая Самозванца проклятiю. Если же не вѣрили въ семь случаѣ патріарху, то еще менѣе повѣрили бы ему, когда бы онъ, въ защиту Бориса, указывалъ на незаконнорожденность сына Іоаннова. И пусть Борисъ, какими бы то ни было путями, достигъ престола при жизни Царевича Димитрія: Борисъ не могъ предполагать, что истинный сынъ царскій позволитъ ему спокойно сидѣть на престолѣ. Борисъ очень хорошо видѣлъ и зналъ, что противъ него постоянно была сторона вельможъ; потому не могъ предполагать, чтобы и въ томъ случаѣ, когда бы самъ Димитрій не оказывалъ расположенія оспаривать у Бориса права на престолъ, не стали возстановлять Димитрія противъ Бориса бояре.

«Борисъ, такъ хорошо знавшій людей, Борисъ дальновидный, не могъ совѣтоваться со многими о способахъ свести Димитрія въ могилу, какъ напротивъ выставляется онъ дѣйствующимъ въ исторіи насильственной смерти Царевича». Но Борисъ — Правитель не могъ обойтись безъ участниковъ и совѣтниковъ въ замыслахъ на жизнь Царевича; уже ли самъ онъ могъ идти въ Угличъ, чтобы умертвить Димитрія? Самое благоразуміе требовало отъ правителя не выставить своего имени въ кровавой исторіи и споспѣшиться съ убійцами черезъ другихъ. Повѣренный Клешиный былъ необходимый посредникъ для Бориса. Притомъ Борисъ никогда не былъ отважнымъ въ предпріятіяхъ своихъ. Такимъ онъ является и въ лѣтописяхъ о насильственной смерти Царевича. Потому-то такъ естественно извѣстіе Палицына, что были люди, которые, выставя опасность, грозившую Россіи со стороны Димитрія, склоняли Бориса ко грѣху. При томъ легко сказать: убить Чепчугова и Загряжскаго, отказывавшихся отъ исполненія воли Борисовой, убить Царевича Димитрія. Но не легко было Борису это сдѣлать, ему, который вынужденъ былъ, какъ можно менѣе, употреблять крутыхъ мѣръ предъ народомъ для цѣлей своихъ. Борисъ могъ внушить убійцамъ покончить дѣло ночью? Но какъ было попасть ночью во дворецъ Димитрія, при которомъ былъ большой дворъ, котораго берегла мать царица? Днемъ злодѣйство совершено тремя лицами; а для дѣла ночнаго надобно было подговаривать сторожей, постельницъ и проч. При томъ, дѣло было не въ томъ, какъ совершить убійство, но какъ объяснить его, безъ явнаго вреда себѣ и другимъ. Днемъ могъ Димитрій играть, и, въ игрѣ неосторожной, упасть, наколотся, тысячу другихъ средствъ потерять жизнь; а ночью, во время покоя, потеря жизни могла зависѣть почти только отъ злодѣя!

Такъ исторія насильственной смерти Царевича запечатлѣна и внутренними признаками достовѣрности.

«Что говорятъ свидѣтели кончины Димитрія? Ихъ показанія различны въ различныхъ памятникахъ древности. Но лѣтописямъ, на вопросъ судей о смерти Царевича, «Угличане вопіяху всѣ единогласно—иноки и священники, мужи и жены, старые и юные, что убіенъ бысть отъ рабовъ своихъ, Михаила Битяговскаго, по повелѣнію Бориса Годунова съ его совѣтники». Но въ слѣдственной бумагѣ, дошедшей до насъ, большая часть свидѣтелей говоритъ, что

Димитрій, въ падучей болѣзни, закололся самъ. По лѣтописямъ ²⁶, кормилница Ирина (Жданова, по мужу Ждану, и Тучкова по тому, что мужъ ея былъ Жданъ Тучковъ) ²⁷, собственными глазами, видѣла закланіе Царевича, и изъ ея рукъ исхитили трепетавшую еще жертву злѣдѣи: въ слѣдственной бумагѣ она говоритъ о само-закланіи его. Кому вѣрить?

Разсмотримъ подробно Государственную грамоту. Читая слѣдственное дѣло, какъ оно издано въ Собраніи Государственныхъ грамотъ ²⁸, прежде всего видимъ, что она не полна: самого начала нѣтъ; нѣтъ и въ срединѣ нѣсколькихъ строкъ, частію изгладившихся, частію оторванныхъ, какъ замѣчаетъ издатель. Нельзя не пріостановиться на семъ и не подумать, можно ли вполнѣ довѣрять бумагѣ, въ которой нѣтъ ни начала, ни, какой бы то ни было, средины,—довѣрять въ такомъ важномъ случаѣ, каково дѣло уголовное? Но посмотримъ, что заключается въ дошедшей до насъ бумагѣ?

Князь Василій Шуйскій, Окольничій Андрей Клешининъ, и Дьякъ Елизаръ Вылузгинъ изслѣдываютъ дѣло о смерти Царевича. Допрашиваемый ими прежде всѣхъ, Михаилъ Пагой, показываетъ, что Димитрій зарѣзанъ Волоховымъ, Качаловымъ и Данилою Битяговскимъ; что посадскіе люди умертвили убійцъ его, и что на него, Михайлу, напрасно взыскаютъ, будто онъ приказалъ собрать и покласть разныя орудія на тѣла убитыхъ. Андрей Пагой говоритъ, что когда онъ прибѣжалъ во дворецъ, то ему сказывали, что Царевичъ зарѣзанъ, хотя самъ онъ и не видалъ виновныхъ; онъ же, Пагой, присовокупляетъ, что на Царевичѣ была прежде падучая болѣзнь. Воскресенскій архимандритъ, Феодоритъ, и Алексѣевскій игумень, Савватій, свидѣлствуютъ, что Царевичъ умерщвленъ, объясняя притомъ, что о семъ сказали имъ слуги монастырскіе, посылаемые ими нарочно въ городъ и дознавшіе о семъ отъ людей посадскихъ и посольскихъ (рекрутовъ) ²⁹. Игумень присовокупляетъ, что ему сама царица сказала лично, что Царевича зарѣзали, именно: Качаловъ, Битяговскій и Волоховъ, Конюхъ, Данила, между прочимъ,

²⁶ Лѣтопись о мятеж. стр. 23, 24. Никонъ и Рост. Карамз. Т. X, прим. 238.

²⁷ Слѣдств. дѣло въ Собр. Грам. 2-т.

²⁸ Въ 2-й част. подъ № 60, на стр. 103—123.

²⁹ Карамзинъ напрасно говоритъ, будто архимандритъ и игумень свидѣлствовали о самозакланіи Царевича.

упомянулъ, что когда онъ съ отцемъ своимъ прибѣжалъ въ городъ къ Дьячей избѣ (Приказу), то посадскіе люди говорили, что въ сей избѣ находятся убійцы Царевича—Битяговскій и Качаловъ. Вопреки симъ показаніямъ, прикащикъ, Раковъ Русинъ, свидѣтельствуешь, что Царевичъ заклался самъ, въ падучей болѣзни, что Михайла Нагой велѣлъ накласть смертоносныя орудія на убитыхъ; а на вопросъ: для чего это дѣлалъ,—Михайла Нагой говорилъ, дабы показать, что сии люди точно убійцы Царевича. Григорій Нагой, подтверждая слова Русина, говоритъ, что, прибѣжавъ во дворецъ, онъ увидѣлъ—Царевичъ лежитъ, закололся самъ въ падучей; вмѣстѣ же упоминаетъ и то, что въ то время говорили, будто Царевича зарѣзали. Мазка Волохова, въ пространномъ своемъ показаніи, объясняетъ, что Царевичъ и прежде подвергался припадкамъ падучей болѣзни, и въ семъ припадкѣ умертвилъ себя, когда игралъ ножомъ съ жильцами; что царица, мать Царевича, увидѣвъ его мертвымъ, била ее, называя ея сына и его товарищей убійцами. Жильцы, или дѣти боярскіе, игравшіе, по словамъ ихъ, вмѣстѣ съ Царевичемъ, кормилица Прина и постельница Марья свидѣствовали также о самоубійствѣ Царевича. Очевидцемъ такой же смерти выставлялъ себя стряпчій, Юдинъ, стоявшій, по его словамъ, въ то время у поставца. За сими тоже показываютъ и многіе другіе, но которые всѣ говорили по слуху. Таковы показанія двухъ противныхъ сторонъ! На которой же сторонѣ правда?

Говоря о слѣдственной бумагѣ, прежде всего, конечно, должны мы спросить, кто производилъ и записывалъ слѣдствія? Если судьи, которымъ даны показанія о смерти Царевича, не заслуживаютъ полного довѣрія къ себѣ, то, разумѣется, и дѣло, столько зависѣвшее отъ ихъ распоряженій, не можетъ считаться въ числѣ неподлежащихъ сомнѣнію. Кто жъ эти судьи? Дьякъ Вылузгинъ неизвѣстенъ; видимъ только, что въ слѣдующемъ году онъ былъ первымъ Дьякомъ Думнымъ. Но А. Клешнинъ могъ судить не въ пользу правды. Лѣтописи указываютъ въ немъ усерднѣйшаго клеветника Борисова и участника въ замыслахъ противъ Царевича. При восшествіи Годунова на престолъ А. Клешнинъ является защитникомъ противъ не желавшихъ видѣть неблагороднаго царемъ; это видимъ мы у Гримова въ его рѣчахъ. Князь В. Шуйскій, какъ фамилійный врагъ Годунова, можетъ, по видимому, ручаться за вѣрность слѣдствія; онъ даже можетъ сказать противъ Годунова болѣе, нежели сколько было, дабы отмстить давнему непріятелю

своей фамилии: но надежда напрасная! Годуновъ уже помирился съ Шуйскими, вошелъ даже въ родство съ ними. Меньшій братъ Василія Шуйскаго, Димитрій, недавно передъ тѣмъ женатъ на своячинѣ Годунова и въ 1591 г. получилъ санъ Боярина. Князь Василій, болѣе хитрый, нежели отважный, всегда пользовался обстоятельствами; теперь не было для него надежды погубить Бориса, если бы и не утаилъ онъ слѣдовъ убійства; Правитель все могъ сдѣлать передъ Царемъ, могъ обвинить самого Шуйскаго: тому доказательствомъ извѣстная участь Шуйскихъ и митрополита Діонисія съ епископомъ Варлаамомъ. Притомъ, князь Василій связанъ товарищемъ околичнаго Клешина по слѣдствию; а Клешинъ уже заранѣе устроилъ дѣло такъ, какъ было нужно для Годунова.

Случается, что лукавая совѣсть, вполне занятая тѣмъ, чтобы скрыть слѣды несправедливости чужой и своей, на первомъ же шагу дѣлаетъ ошибки, которыми уличаются другія ея неправды, на первой же строкѣ пишетъ самой себѣ улики. а) Допросъ Михайлѣ Пагому. Этотъ самый первый допросъ въ слѣдственной бумагѣ предложенъ такъ: «какимъ образомъ Царевича не стало? И что его болѣзнь? И для чего онъ велѣлъ убить Битяговскаго?» Если уже спросили: какимъ образомъ Царевичъ умеръ? то вопросъ: «и что его болѣзнь? или лихнїй, или онъ указываетъ на особенныя намѣренїя судей. Если хотѣли вторымъ вопросомъ пояснить первый, то надобно было спросить: отъ болѣзни ли умеръ Царевичъ, или насильственно? Спрашивая же только о болѣзни судей, заставляютъ думать, что имъ хочется, чтобы не говорили о насильственной смерти Царевича, а только подтверждали, будто онъ закололъ себя въ припадкѣ болѣзни, имъ, судьямъ, извѣстной. Какъ хотите, а эти вопросы подозрительны. б) Но вотъ и еще подозрѣнїе въ неправдѣ слѣдователей, возбуждаемое самымъ началомъ дѣла ихъ. Слѣдователи начинаютъ, прежде всего, допрашивать Михайла Пагого, и допрашиваютъ не только о смерти Царевича, но и о томъ, зачѣмъ Пагой велѣлъ убить Битяговскаго и другихъ; зачѣмъ велѣлъ положить на убитыхъ ножи; зачѣмъ собиралъ людей и приводилъ къ присягѣ Русина Ракова? Для каждаго понятно, что существенное дѣло, дѣло самой величайшей важности, чѣмъ должны были заняться слѣдователи, есть смерть Царевича; а они, въ самый первый разъ, выставляютъ вопросы, совсѣмъ сторонніе для главнаго дѣла. Велѣлъ ли, или не велѣлъ, Пагой класть ножи на трупы

убитыхъ, это не только не имѣетъ связи съ смертію Царевича, но и не служитъ къ обвиненію, или оправданію, Нагаго по отношенію къ смерти Битяговскаго и другихъ. Велѣлъ ли, или не велѣлъ, Нагойъ убить Битяговскаго и другихъ,—это дѣло особое, дѣло, которому должно было дать мѣсто развѣ въ концѣ слѣдствія о смерти Царевича, а не въ самомъ началѣ. Иначе слѣдователи самымъ первымъ допросомъ своимъ уже показываютъ, что хотятъ не того, чтобы привести главное дѣло въ ясность, но рѣшились запутать его и, если удастся, выставить въ другомъ видѣ. в) Тѣмъ же началомъ слѣдствія и обстоятельствами дѣла вполне оправдывается извѣстіе лѣтописи, что о происшествіяхъ въ Угличѣ получено было вѣрное донесеніе въ Москвѣ, но, вмѣсто сего донесенія, Годуновъ представилъ царю другое, заранѣе приготовленное, о самоубійствѣ Царевича въ падучей болѣзни. Съ чего слѣдователи начинаютъ допросы свои допросомъ не только о болѣзни Царевича, но и о разныхъ обстоятельствахъ? По смерти Битяговскихъ, Качалова, Третьякова, городъ остался во власти Нагихъ, которые, безъ сомнѣнія, не писали ни о болѣзни Царевича, ни о томъ, что Михаила Нагойъ велѣлъ убить Битяговскихъ. Откуда же эти извѣстія въ самомъ первомъ допросѣ? Если допустить, что слѣдователи, по прибытіи въ Угличъ, прежде всего выслушали городского прикащика, Русина Ракова, и съ его показаній взяли свои вопросы М. Нагому, то опять не въ порядкѣ дѣла, зачѣмъ доносъ лицъ столько важныхъ, каковы Нагіе, родственники Царевича, въ самомъ началѣ дѣла приведенъ въ подозрѣніе, и ему предпочтенъ доносъ человѣка столько малозначащаго? Каждый согласится, что предпочитая доносъ какого ни будь городничаго доносу Нагихъ, слѣдователи обнаруживаютъ, по крайней мѣрѣ, какую-то непріязнь къ Нагимъ и къ ихъ доносу,—непріязнь, которая сама обличаетъ нечистый ходъ дѣла.

Въ вопросахъ и изслѣдованіи дѣла находимъ сильное пристрастіе къ сторонѣ свидѣтелей самоубійства; къ сторонѣ же противной—невнимательность. Какъ производится слѣдствіе? Не открыто, но тайно: судьи призываютъ одного, двухъ человѣкъ. Между тѣмъ наказаніе за умерщвленіе мноооклеветанныхъ убійцъ Царевича падетъ на весь Угличъ,—до 200 человѣкъ наказаны будутъ смертію, прочихъ пошлютъ въ Сибирь. Можно ли же было обвинять и наказывать виновныхъ, не спрося у нихъ самихъ, виновны ли они? Слѣдователи на первый разъ точно и не хотѣли

отступить отъ порядка. Они, какъ показываютъ вышеприведенныя мѣста лѣтописи, собирали духовенство, гражданъ. А послѣ? Безопаснѣе вынуждать тайно у того, или другаго, подтвержденіе выдуманной лжи. Теперь воля призывать тѣхъ, кого хотятъ, и дѣлать все, что было угодно: угрозы, ласки, наказанія легко было употребить. Всего же замѣтнѣе въ семъ изслѣдованіи пристрастіе къ лжесвидѣтелямъ и холодность къ сторонѣ противной. Слѣдователи совсѣмъ не стараются разыскивать и спрашивать тѣхъ, которые говорили и могли говорить объ умерщвленіи Димитрія. Напротивъ, со всѣмъ усердіемъ помогаютъ усилить противную сторону, по крайней мѣрѣ, множествомъ свидѣтелей. Едва услышатъ, что тотъ, или другой, будто бы видѣлъ, или слышалъ, что ни будь, касающееся самоубійства, тотчасъ призываютъ, допрашиваютъ о подробностяхъ, какія только невредны ³⁰. Напротивъ, какъ скоро кто говоритъ объ убійствѣ Димитрія, объ обстоятельствахъ сего дѣла, о послѣдствіяхъ,—молчаніе. Такъ, Андрей Нагой говоритъ: «а сказываютъ, что сего (Димитрія) зарѣзали.» Григорій Нагой упоминаетъ: «и почали говорить, невѣдомо кто, что будто зарѣзалъ Царевича Димитрія Данила Битяговскій съ товарищами». Но допытываются ли у того и другаго, кто такой говорилъ, что Царевичъ зарѣзанъ? Нѣтъ! Архимандритъ Феодоритъ и игуменъ Савватій передаютъ слухъ объ умерщвленіи Димитрія и говорятъ, что слухъ сей доставленъ имъ монастырскими ихъ слугами, а эти слышали о томъ отъ посадскихъ людей. Не надлежало ли допросить монастырскихъ слугъ: передавали ли они извѣстіе о убійствѣ Царевича архимандриту и игумену, и если передавали, то откуда взяли они извѣстіе; кто такіе посадскіе, отъ которыхъ они слышали о убійствѣ Димитрія? Равно надлежало бы отыскать и допросить тѣхъ посадскихъ, отъ которыхъ полученъ слухъ, говорили ли они, и на какомъ основаніи говорили, что Князь ихъ умерщвленъ? Но о всемъ этомъ ни мало не заботятся. Игуменъ Савватій присовокупляетъ, что ему сама царица поименовала убійцу Царевича; мамка Волохова указываетъ на царицу, что она называла убійцами сына ея, Осипа, Данилу Битяговскаго и Пикиту Качалова; но отъ самой царицы узнаютъ ли, почему она обвиняла поименованныхъ лицъ въ убійствѣ сына своего? Совсѣмъ нѣтъ! Между тѣмъ у кого же надлежало прежде всего спрашивать объ участи

³⁰ См. допросы ст. 103, 104, 108, 109.

Царевича, какъ не у иѣжной, бдительной, матери, которая, по приказанію самой Волюховой и прочихъ, прежде всѣхъ пришла къ, борющемуся съ смертію, сыну своему? Смѣшно подумать, что царицу не спрашиваютъ, будто изъ уваженія къ ней: мы видимъ, каково было уваженіе къ сей матери Царевича, когда сослали ее въ заточеніе! Попомарь Огурецъ, бывшій въ набатъ, явно путается и лжетъ: онъ говоритъ, что былъ въ домѣ, когда ударилъ въ набатъ у Спаса Максимъ Кузнецовъ, и что ему велѣлъ, при Григоріѣ Нагомъ, бить въ набатъ стряпчій Суббота, по приказанію царицы. Григорій Нагой отвѣчаетъ, что вовсе не слыхалъ, будто царица велѣла бить въ набатъ, а Огурецъ сказывалъ ему только, что Суббота велѣлъ ему бить въ набатъ, и что Михайла Битяговскій прибѣжалъ было къ колокольнѣ, но онъ, запершись, не пустилъ его. Слѣдователи не доискиваются правды, — не допрашиваютъ ни а) Огурца: почему узналъ онъ, что билъ въ набатъ Кузнецовъ, и точно ли Битяговскій прибѣгалъ къ колокольнѣ, но онъ не пустилъ его? ни б) Кузнецова: точно ли онъ билъ въ набатъ, и если билъ, то когда и почему? в) ни Субботы: приказывалъ ли Огурцу бить въ набатъ? Усиліе слѣдователей не открывать правды — ясно, какъ день; однако, при всемъ усиліи ихъ, остался слѣдъ правды: вѣсть о насильственной смерти Царевича домогались потушить именно тѣ, которые обвиняются въ этой смерти. А лѣтописи открываютъ намъ и всю правду, показывая, что соборный Спасскій попомарь самъ видѣлъ, какъ убить былъ Царевичъ и поспѣшилъ, запершись въ колокольнѣ, ударить въ набатъ, а убійцы домогались убить его за то. И такъ какъ вѣрность извѣстія лѣтописи въ семъ случаѣ оправдывается отчасти ясными словами самаго слѣдственнаго дѣла, то очевидно, какова была совѣсть у слѣдователей. Такимъ образомъ, по всему видно, что слѣдователи не того домогаются, чтобы обвинить виновныхъ, оправдать невинность, но того, чтобы представить правыми злодѣевъ, запутать въ сѣти жертвы тайной злобы, скрыть подлинный ходъ дѣла и дать ему совсѣмъ другой видъ.

Но, не смотря на то, что слѣдователи, по слѣдственной бумагѣ, усиливались поддержать сторону мнимыхъ свидѣтелей самозакланія, показанія сихъ свидѣтелей частію не имѣютъ надлежащей силы, частію исполнены противорѣчій и лжи, — все же въ совокупности доказываютъ безполезное усиліе скрыть правду.

Само по себѣ понятно, сколько имѣютъ силы: а) показанія людей, которые, какъ видно изъ ихъ же словъ, водили хлѣбъ-соль съ Битяговскимъ—участникомъ въ убіеніи Дмитрія, а, можетъ быть, и съ другими; таково, на пр., показаніе попа Богдана. б) Показаніе кормилицы, Ирины, и постельницы, Марьи Самойловой, бывшихъ, по словамъ Волоховой, при смерти Царевича, кратко, что самое выставляетъ ихъ подозрительными. Показаніе же Ирины въ томъ видѣ, какъ оно записано слѣдователями, даже странно до крайней степени. Она говоритъ у слѣдователей: «хотѣлъ Царевичъ Дмитрій въ субботу по двору, игралъ съ жилицы ножикомъ, и она того не уберегла, какъ пришла на Царевича болѣзнь черная». Къ чему это самообвиненіе: «и она того не уберегла?» Она не одна была у Царевича, и если кто долженъ беречь Царевича, то особенно мамка Волохова. Почему же нѣтъ, почему не вытребовали и не записали, этого признанія не только у Осиповой, но и у Волоховой? Здѣсь опять видно подтвержденіе извѣстію лѣтописей, что Ирина показывала не то, что хотѣла: за это и выставляютъ ее кающеюся виновницею въ смерти Царевича. в) Показанія малолѣтнихъ дѣтей ³¹, съ которыми Царевичъ игралъ будто бы предъ самою смертію, вовсе не имѣетъ силы: если страхъ могъ принудить возрастныхъ измѣнить истинѣ, то что сказать о дѣтяхъ? Они повторяли тоже, что сказала Ирина и Марья. Слѣдователи спрашивали ихъ: кто еще былъ при смерти Царевича? Они указали на кормилицу, Ирину, и постельницу, Марью, а пропустили мамку, Василису Волохову. Слѣдователи не обратили вниманія на этотъ пропускъ самаго главнаго лица, тогда какъ мамка важнѣе кормилицы и постельницы. Что все это значитъ? Дѣти говорили въ страхѣ, не зная, что говорили, наученные не совсѣмъ ловкимъ плутовствомъ, домогавшимся скрыть изъ вида мамку—мать убійцы Осипа Волохова; а слѣдователямъ не было дѣла до правды. За тѣмъ, чьи были эти дѣти? Одинъ изъ нихъ, Тучковъ, былъ сынъ упомянутой кормилицы, Ирины Тучковой-Ждановой; другой, Петръ Самойловъ Колобовъ, сынъ постельницы Самойловой-Колобовой, также подтверждавшій ложь; третій, Григорій Андреевъ Козловъ, сынъ Андрея Козлова, хотя и не бывшаго при смерти Дмитрія, но свидѣтельствовавшего о самозакланіи его. Между тѣмъ показаніемъ дѣтей всего болѣе думаютъ утвердить сторону свидѣтелей самозакланія, именно по тому, что сии мальчики говорили, будто

³¹ Слѣдств. дѣло стр. 108.

въ то время, какъ умираетъ Царевичъ, никого не было, кромѣ кормилицы и постельницы, ни Битяговскаго, ни Волохова. г) По слѣдственной бумагѣ свидѣтелемъ очевидцемъ самоубійства Царевича выставляется еще одинъ, Стригачъ Семенъ Юдинъ, который, по его словамъ, стоялъ у поставца и самъ видѣлъ, какъ Царевичъ накололся ножомъ. Не видно, что это за стригачъ Юдинъ? Но очень сомнительно, чтобы, стоя у поставца, который, конечно, стоялъ въ домѣ близъ стола, за которымъ обѣдала Царица, а не на дворѣ, онъ могъ видѣть, что Царевичъ закололся на дворѣ. Всѣ прочіе свидѣтели, которые говорятъ въ слѣдственной бумагѣ, что Царевичъ закололся во время игры, говорятъ о томъ по слуху, со словъ другихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ показанія мнимыхъ свидѣтелей самоубійства чрезвычайно рознятся между собою, и это несогласіе свидѣтельствъ оставлено слѣдователями безъ уясненія. Почти всѣ эти свидѣтели показываютъ, что орудіемъ самоубійства былъ ножъ, но, однако, нѣкоторые доносятъ въ челобитной самому царю, что Димитрій забавлялся съ сверстниками своею, и когда пришла болѣзнь, онъ упалъ и закололся ³². Любопытно знать, отъ чего произошло это разногласіе? Кажется, это было такъ: Волохова объявила въ допросѣ, будто Царевичъ однажды, въ припадкѣ падучей болѣзни, накололъ свою мать свою. Эту выдумку не успѣли затвердить невѣжды и перенесли прошедшее на настоящее, давъ давней лжѣ новый видъ; не снесясь съ прочими, сказали, будто Царевичъ накололъ себя своею и отъ того умеръ. Шуйскій, конечно, не позволилъ бы записать этой нелѣпости при отобраніи показанія; но это показано въ челобитной, которая подана на имя царя. Почти всѣ свидѣтели самоубійства дозволяютъ Димитрію лежащему заколоть себя. По боярскій сынъ, Козловъ, говоритъ, что Царевичъ «летячи закололся ножомъ». Эту особенность невѣжества не считали нужнымъ и исправить. Водивній хлѣбъ-соль съ Битяговскимъ, пощъ Богданъ, говоритъ, что Михайла Битяговскій находился еще дома, за обѣдомъ, когда у Спаса вдругъ зазвонили, и онъ, Михайла, пославъ узнать о причинѣ тревоги, услышалъ еще въ домѣ о смерти Царевича; послѣ того тотчасъ отправился на дворъ къ Царевичу, гдѣ и убитъ; сынъ Михайлы, Данила Битяговскій, также находился дома, за обѣдомъ, когда получена вѣсть о смерти Царевича. По Углицкіе разсыльщики хотя и говорятъ о само-

³² Слѣдств. дѣло стр. 118.

закланіи Царевича, по показываютъ, что Михайла Битяговскій, услышавъ тревогу, пошелъ, вмѣстѣ съ сыномъ, въ Дьячью избѣ (слѣд., не прямо и не тотчасъ во дворецъ), и здѣсь Моховиковъ сказалъ ему (слѣд., не въ домѣ), что Царевичъ болѣнъ падучею болѣзнію (еще только о болѣзни), послѣ чего Битяговскій отправился къ царицѣ, а сынъ его остался въ Дьячьей избѣ. Сколько здѣсь противорѣчій! Для уясненія надлежало бы спросить сторожа Дьячьей избѣ, Евдокима Михайлова: былъ ли Михайло въ избѣ? Когда пришелъ? Что говорилъ, или дѣлалъ? Когда пришелъ туда сынъ его? Какъ очутился тамъ же, вмѣстѣ съ Данилою Битяговскимъ, Качаловъ? Но объ этомъ не спросили, а спрашивали только о томъ, какъ слуга Пагаго мазалъ кровью курицы оружіе, которое Раковъ положилъ на трупы Битяговскихъ, будто бы по приказу Михайлы Пагаго. Допрошенный Моховиковъ не сказалъ, что онъ извѣщалъ Битяговскаго о смерти Царевича, а говорилъ только: когда Царевичъ покололся и начали звонить, то Битяговскій прибѣжалъ къ воротамъ дворца, которые были закрыты, и онъ, Моховиковъ, отперъ ихъ Михайлѣ. Здѣсь опять нѣтъ уясненія дѣлу объ отношеніи Битяговскихъ къ смерти Царевича, но высказана новая нелѣпость. Какъ закрыты были ворота, когда толпа народа находилась во дворцѣ, созванная набатомъ? Не очевидно ли, что эти свидѣтели домогаются, во что бы то ни стало, выставить Битяговскихъ невинными въ смерти Царевича, а вмѣстѣ съ тѣмъ представить смерть слѣдствіемъ болѣзни Царевича? Но это усиліе отъ того, что слишкомъ велико, путаетъ само себя. Очевидно, что слѣдователи производятъ слѣдствіе самымъ недобросовѣстнымъ образомъ: они какъ будто не замѣчаютъ явныхъ противорѣчій въ показаніяхъ и стараются, спѣшатъ собрать какъ можно болѣе свидѣтельствъ о томъ, что Царевичъ зарѣзался самъ.

О смерти говорятъ: «пришла на него падучая нечочь, и зашибло его о землю и учало его бити; да какъ, де, его било, и въ тѣ поры онъ покололся ножемъ самъ»³³. Стало быть, орудіемъ смерти былъ ножъ? Гдѣ же онъ? Куда дѣвался? Для чего не представляютъ главной улики дѣла? Далѣе: если бы Царевичъ въ самомъ дѣлѣ въ болѣзненномъ припадкѣ самъ себя ранилъ, то рана, нанесенная семилѣтнимъ младенцемъ, конечно, не могла быть глубокою; а если только накололся онъ, то какъ же онъ тотчасъ

³³ Слѣдств. дѣло стр. 124.

умеръ? Волохова говоритъ: «бросило его о землю, и тутъ Царевичъ самъ покололся въ горло, и было его долго»³⁴. Если Царевича было долго, прежде нежели покололся, то странно, что не успѣла узнать о томъ мать. Рѣдкій, странный случай, что эпилептикъ, въ судорогахъ эпилепсін, могъ самъ себя заколотъ. Много времени и труда надобно, чтобы отыскать подобный примѣръ. Шуйскій, описывая положеніе, въ какомъ найдены мощи Царевича во гробѣ, говоритъ, что въ лѣвой рукѣ Царевича находилось полотенце, а въ правой орѣхи³⁵. Въ рукописи Филаретовой пишется: ³⁶ «егда убіенъ бысть, тогда прилучися ему держати въ шуйцѣ убрусъ... въ другой же плодъ, глаголемый орѣхи.» Если же такъ, то какъ Дмитрій могъ вмѣстѣ играть въ тычку ножемъ, о чемъ говорятъ свидѣтели самоубійства? Какъ могъ держать ножъ, бросать его въ землю, имѣя и безъ того занятыя орѣхами руки? Вотъ обстоятельство, о которомъ и намѣка нѣтъ въ слѣдственной бумагѣ, и которое ясно указываетъ на правду!

И такъ, и производство дѣла и рѣшеніе ознаменованы слѣдами криводушія и неправды. Слѣдов., минимые свидѣтели самоубійства Царевича говорятъ ложь (если только говорили они).

По слѣдственному дѣлу видно, что по волѣ царя судъ Московскій предоставилъ наказать, или помиловать, людей, по слѣдствію оказавшихся виновными.

Слѣдствія суда въ настоящемъ случаѣ тѣмъ болѣе важны, что онѣ всѣ состояли во власти Бориса Годунова, которому царь Θεодоръ предоставилъ управленіе Царствомъ. Онѣ могутъ намъ служить какъ бы вещественными свидѣтелями по дѣлу о смерти Царевича. Какія же были слѣдствія, извѣстныя по несомнѣннымъ памятникамъ?

а) Въ слѣдъ за окончаніемъ слѣдствія о смерти Царевича, кормилицу, Ирину, привозятъ въ оковахъ въ Москву, а мамку, Василису Волохову, надѣляютъ богатыми помѣстьями и угодьями. Отъ чего такая разность? За что столько милостей къ Волоховой и столько неудовольствія противъ первой? Если Жданову хотѣли наказать за небрежный надзоръ за Царевичемъ, слѣд-

³⁴ Тамъ же, стр. 106.

³⁵ Собраніе Государств. грамогъ, ч. 2, № 147. Шуйскій присовокупляетъ, что точно въ такомъ положеніи Царевичъ и убитъ.

³⁶ Въ Ист. Госуд. Росс. Т. XII, прим. 24.

ствіемъ котораго слѣдствіе хочетъ выставить смерть Царевича, то мы уже сказали, что Василиса Волохова, какъ мамка, еще болѣе, чѣмъ кормилица, обязана была смотрѣть за Царевичемъ, и потому, если Жданову считали виновною въ небрежности къ долгу по случаю смерти Царевича, то еще строже надлежало быть въ приговорѣ о Волоховой. Откуда же строгость къ Ждановой? Ясно, что опасались, не стала бы она разглашать очень извѣстное для нея, т. е., что Царевичъ умерщвленъ. По лѣтописямъ, Волохова оказала одну услугу въ дѣлѣ о Димитріѣ: она болѣе всѣхъ хлопотала вмѣстѣ съ убійцами его и безстыднѣе другихъ старалась, какъ показываетъ и слѣдствіе, подтверждать клевету о самозакланіи Царевича. За это одно и хотѣли награждать ее, какъ говорятъ лѣтописи. По самому слѣдствію надлежало не награждать, а наказывать ее, притомъ строже, чѣмъ кого либо другаго.

б) Григорій Нагой, наравнѣ съ Михайлою, ссылается какъ бунтовщикъ. Между тѣмъ по слѣдствію Григорій Нагой, по приказанію царицы, билъ только одну Волохову, а Михайло Нагой убилъ Битяговскихъ, Качалова и Третьякова. За что же одинаковый приговоръ о двухъ виновныхъ, совсѣмъ не одинаково виноватыхъ? Тутъ боялись свидѣтеля и наказывали за голосъ, хотя не совсѣмъ твердый, поданный въ пользу правды Григоріемъ Нагимъ.

в) Городъ Угличъ пораженъ былъ страшною опалою послѣ смерти Димитрія: до 200 человекъ предано смерти, другимъ отрѣзали языки, большую часть жителей сослали въ Сибирь, населивъ ими Пелынь. За что такая опала на Угличъ? Если вина Угличанъ состояла только въ томъ, что они убили Битяговскаго и нѣсколько другихъ, то съ такою виною вовсе несоразмѣрно постигшее ихъ наказаніе. Значитъ, самая судьба Угличанъ даетъ видѣть, что правитель Борисъ Федоровичъ зналъ что-то другое за ними, слишкомъ близко касавшееся его самого.

Не подтверждены ли показанія о самозакланіи Димитрія какими ни будь другими государственными актами? Ни слова нѣтъ ни въ какой государственной бумагѣ, ни въ одной повѣсти, ни въ одной лѣтописи, въ подтвержденіе извѣстія о самозакланіи. Странно! Ни слова нѣтъ даже и о томъ, что Царевичъ страдалъ когда ни будь падучею болѣзнію. Какъ же считать отзывъ современниковъ пустой молвою, а бумагу, наполненную сплетнями недобросовѣстности и противорѣчіями невѣжества, выставить за несомнѣнную опору?

По самому слѣдствию видно, что еще прежде слѣдствія до Москвы доходилъ слухъ о насильственной смерти Царевича. По лѣтописямъ и бумагамъ несомнѣнно знаемъ, что Годуновъ, будучи царемъ, зналъ о слухѣ, чернившемъ честь его. Посмотрите же, какъ онъ ведетъ себя, когда Самозванецъ шелъ въ Москву, объявляя, что онъ Царевичъ Димитрій, спасенный отъ замысловъ Годунова на жизнь его. Онъ объявляетъ своимъ подданнымъ и Польскому королю, принявшему участіе въ судьбѣ Самозванца, что мнимый Димитрій есть разстрига Отрепьевъ, но ни слова не говоритъ о томъ, какъ умеръ Царевичъ. Почему же не обнародовалъ онъ слѣдственного дѣла о смерти Царевича, если оно, по его сознанию, представляетъ дѣло въ подлинномъ видѣ? Почему не отыскиваетъ свидѣтелей кончины Царевича и не расширяваетъ о ея обстоятельствахъ? Послѣ того, какъ не стало Димитрія, времени прошло не много — только лѣтъ 10: еще жива была мать Царевича, живы были родственники его, Нагіе, Григорій и Андрей, и, безъ сомнѣнія, многіе изъ Угличанъ. Почему же Борисъ Фёдоровичъ такъ беззаботенъ сталъ къ своей чести? Почему ни грамотою къ народу, ни грамотою къ сосѣдямъ, Полякамъ, не возстановляетъ въ памяти современниковъ слѣдственного дѣла, ни своихъ распросовъ о смерти Царевича? Согласитесь, что это было крайне необходимо не только для чести Бориса Фёдоровича, но и для спокойствія цѣлой Россіи. Если же и въ это время ни одна Государственная грамота ни слова не говоритъ въ оправданіе слѣдственного дѣла Шуйскаго; ни слова не говоритъ, что Царевичъ закололся самъ пожемъ, то надобно быть слишкомъ слѣпымъ, чтобы вѣрить слѣдствию Шуйскаго.

Если мы мало имѣемъ свидѣтелей мученической кончины Димитрія по слѣдственной бумагѣ, то имѣемъ ихъ много по другимъ, столь же важнымъ, государственнымъ документамъ. Мать Царевича, которую, при слѣдствіи дѣла, совсѣмъ оставили безъ допроса, по убіеніи Лжедимитрія, предъ всѣми торжественно объявила, что сынъ ея убитъ въ Угличѣ, по волѣ Годунова. Вотъ что читаемъ въ дѣлахъ Польскихъ: «Царицу ипоку Марѳу всенароднымъ множествомъ вопросивше: она же исповѣда, яко сынъ ея на Угличѣ убіенъ бысть повелѣніемъ Бориса... — Исповѣдати же не смѣюще долгое время—женскою немоцію одержима..., и образъ лица его изъ сокровищъ своихъ изнесе... Нагія вси то же исповѣдана».

Тамъ же: «обличаетъ его вора (Марѳа растригу) предъ всѣми людьми, что сынъ ея зарѣзанъ на Угличѣ и умеръ у нее на рукахъ»³⁷. Это было 17 мая, 1606 г.

Въ окружной грамотѣ къ воеводамъ Сибирскихъ городовъ, посланной 1606 г., мая 21 числа, сама царица, Марѳа Ѳеодоровна, пишетъ: «Сынъ нашъ Царевичъ Димитрій Ивазовичъ убитъ на Угличѣ передъ мною и братьею моею отъ Бориса Годунова, и нынѣ онъ лежитъ на Угличѣ». Далѣе она упоминаетъ о произнесенномъ ею предъ всѣми признаніи Царевича убитымъ въ Угличѣ: «А какъ надъ нимъ (Акедимитріемъ), по его дѣламъ, учинилось, и я съ братьями всѣмъ людямъ Московскаго Государства сказывала, что сынъ нашъ Царевичъ Димитрій убитъ отъ Бориса, и погребенъ на Угличѣ»³⁸.

Другая замѣчательная для насъ грамота, той же инюкини, царицы Марѳы, была послана къ жителямъ города Ельца съ братомъ царицы, Григоріемъ Нагимъ. Въ ней царица извѣщаетъ о новомъ, произнесенномъ ею, при пересеніи мощей, торжественномъ признаніи св. мученика сыномъ своимъ, и о своемъ раскаяніи въ томъ, что дотошъ не говорила она въ обличеніе Отрепьева о страдальцѣ, сынѣ своемъ. Вотъ подлинныя слова, болѣе относящіяся къ нашему дѣлу: «А язь на принесенье его (Царевича) мощей, въ церкви у Архангела Мхханта, предъ митрополиты и архіепископы, передъ бояры и передъ всѣми людьми, царю и великому князю,

³⁷ Карамз. Т. XI, примѣч. 343, 346. Въ грамотѣ (Собр. Грам. I, стр. 603) объ избраніи на престолъ Михайла Ѳеодоровича также сказано, что царица тогда же объявила, что сынъ ея «повѣдѣнемъ Бориса Годунова закланъ быеть... и образъ лица его изъ своихъ сокровищъ изнесе; паче жъ много бояръ и многолюдство при смерти быша, а тѣхъ самовидцы свидѣтельствуваху». Однихъ ли Нагихъ-самовидцевъ имѣеть въ виду грамота? Кажется, извѣстны были и другіе. Полякъ, бывшій въ Москвѣ, пишетъ, что «Стрѣльцы не допустили убить Самозванца, и требовали доказательствъ. Привели инюкиню царицу. «Скажи намъ одно слово», говорили Стрѣльцы,— «и если онъ сынъ твой, то мы умремъ за него». Царица призналась, что она принуждена была признать Самозванца за сына единственно страхомъ и лестию, и что сынъ ея скончался въ Угличѣ въ ся объятіяхъ». Родственники царицы, бывъ призваны и спрошены, также говорили, что «возвращая ихъ изъ темницы въ Москву, принудили молчать объ истинномъ Царевичѣ». Царица, чтобы разсѣять сомнѣніе, вынула портретъ сына своего, носимый ею на шеѣ, и доказала, что онъ несколько не похожъ на Акедимитрія». Дневникъ Маскѣвичча, у Устрялова.

³⁸ Собр. Госуд. грам., ч. 2, стр. 306, 307.

Василью Ивановичу, вся Русіи, била челомъ, что я предъ нимъ, государемъ, виновата, а больше всего виновата передъ новымъ мученикомъ, передъ сыномъ своимъ, Царевичемъ Димитріемъ, что святія его мощи въ забвеніи учинила;... а дѣялось то отъ бѣдности, потому, какъ убили сына моего Царевича Димитрія, по его, Борисову, велѣнію, Годунова, а меня послѣ того держали въ великой нуже... и нынѣ язь послала къ вамъ брата своего, боярина Григорья Ѳедоровича Нагова. А тому истинно вѣрьте, что истинной государь мой сынъ Царевичъ Димитрій Ивановичъ убитъ на Угличѣ въ 99 (7099) году, а нынѣ мощи его на Москве.... 39».

Въ Дневникѣ пословъ Польскихъ князь Мстиславскій и другіе 1606, іюня 6, указавъ на роднаго брата царицы, Нагаго, сказали: «Спросите его сами и онъ вамъ скажетъ, что истинный Димитрій нашъ погребенъ былъ въ Угличѣ» 40. Это былъ Михайла Нагой 41.

Такимъ образомъ видно, что:

1. Царица, мать Димитрія, а) два раза торжественно объявляла сына своего убитымъ, сперва передъ цѣлою столицею, потомъ въ храмѣ, передъ сонмомъ архіереевъ, синклитомъ бояръ, самымъ царемъ и народомъ. б) Писала о семъ въ Сибирь и Елецъ. И послѣ сего не хотятъ вѣрить ея показаніямъ? Говорятъ, она называла и Самозванца сыномъ? Не имѣемъ нужды слышать о семъ отъ кого либо другаго: она сама рассказываетъ намъ о сей слабости своей; сама, съ сердечною тугою, исповѣдывается въ слухъ Церкви и Россіи, что не имѣла столько мужества, чтобы обличить Самозванца, мечемъ и огнемъ принуждавшаго признать себя царемъ.

2. Но не одна она, а и родственники ея, Нагіе, подтверждали, что Царевичъ убитъ злодѣями.

3. Самый Григорій Нагой, утверждавшій, по слѣдственной бумагѣ, что Димитрій закололся, двукратно свидѣтельствовалъ о его насильственной смерти, бывъ въ первый разъ вмѣстѣ съ Андреемъ Нагимъ и съ прочими въ Угличѣ для свидѣтельствованія мощей Димитрія мученика, а въ другой по волѣ царицы, сестры своей, отправаившись съ письменнымъ увѣреніемъ о страдальческой кончинѣ его.

³⁹ Ч. 2, стр. 316—318.—Собр. Государств. грам. № 149.

⁴⁰ Сказан. Совр. о Самозв. ч. 4, стр. 200.

⁴¹ См. стр. 194.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій, какъ бы въ обличеніе своей прежней несправедливости, оставилъ намъ свое торжественное признаніе св. Димитрія убитымъ. Въ извѣстительной грамотѣ, писанной въ іюнь 1606 г., въ Пермь, къ князю Вяземскому ⁴², царь Шуйскій, объявляя о похищеніи Лжедимитріемъ царскаго престола, объ его замыслахъ противъ Вѣры и отечества, и объ его смерти, продолжаетъ, что онъ повелѣлъ всему духовенству и народу молиться о прощеніи цареубійства; ибо «за грѣхъ»,—говоритъ онъ,—«всего православнаго христіанства, великаго государя, Царевича, Димитрія Ивановича, не стало послѣ убійства Бориса Годунова..... и злодѣемъ его, убійцамъ, Богъ милосердый, по своей святой волѣ, отмщеніе невинной крови подалъ, и за его дѣло смерть ему (Борису) злую далъ; и для ихъ злодѣйскаго умышленія и дѣла послалъ на Россійское Государство праведный свой гнѣвъ, для извѣщенія правды, за терпѣніе и страданіе мученика своего, благовѣрнаго Царевича, Князя Димитрія». Такъ Шуйскій не скрываетъ болѣе злодѣянія, не скрываетъ и главнаго виновника, не называетъ убійць вѣнценосца невинно убитыми, а даетъ имъ собственное названіе ихъ, названіе злодѣевъ, понесшихъ достойную казнь. Далѣе: царь, извѣщая о перенесеніи мощей, между прочимъ говоритъ: «и мы сами, видя таковое неизреченное милосердіе Божіе, радостными слезами Всесильному и въ Троицѣ славимому Богу и Его мученику, благовѣрному Царевичу, Князю Димитрію Ивановичу, благодареніе воздали, и милости и прощенія отъ него молили». Спрашиваемъ: у кого испрашивали прощенія, и въ чемъ? Что за чувство, неумѣстное при торжественномъ

⁴² Собран. Государст. грам. ч. 2, № 147, стр. 308—313. Она же напечатана Берхомъ: Древнія госуд. грам., собр. въ Пермской губерніи, Спб. 1821. Въ первомъ показано, что грамота писана іюня 2 ч.; у Берха же грамота оканчивается просто: «Лѣта 7114 іюня въ день». Грамота отправлена, безъ сомнѣнія, не 2 іюня, а развѣ 12 іюня, потому что мощи принесены въ Москву іюня 3 числа, 4 числа царь и духовенство торжественно встрѣчали мощи за городомъ и поставили въ Архангельскомъ соборѣ; 5 числа хотѣли опустить ихъ въ землю: но 5 числа при мощахъ получили исцѣленія 13 чело-вѣкъ, а 6 числа еще выздоровѣло 12 чело-вѣкъ. Между тѣмъ уже 3 числа получена изъ Углича записка о чудесахъ, совершавшихся при гробѣ Царевича, и на дорогѣ изъ Углича получали исцѣленіе больные при ракѣ его; посему рака съ мощами оставлена въ храмѣ. Такъ по Грамотѣ царя и по Рукоп. Филарета.

событіи? Что за скорбь, что за раскаяніе, когда надлежало только привѣтствовать себя и Россію съ милостію Неба? Судите, не голосъ ли это совѣсти, кающейся въ тяжкомъ преступленіи?

Въ другой грамотѣ, писанной въ Верхотурье къ Степану Годунову (троюродному брату Бориса Ѳедоровича), царь Шуйскій, извѣщая о побѣдѣ надъ казаками, говоритъ, что она «одержана милостію Божіею, и Пречистыя Богородицы, и великихъ чудотворцевъ Московскихъ, (и новаго мученика Христова, благовѣрнаго Царевича, Князя Димитрія Ивановича Углицкаго, молитвами» ⁴³. Въ грамотѣ къ Пермскому воеводѣ, князю Вяземскому, Шуйскій, убѣждая не вѣрить новому Лжедимитрію, говоритъ: «а блаженныя памяти царя и великаго князя, Ивана Васильевича и всея Руссіи, былъ сынъ Царевичъ Димитрій Ивановичъ, и тотъ убитъ по повелѣнію Бориса Годунова на Угличѣ, и нынѣ св. его мощи на Москвѣ лежатъ въ церквѣ Архангела Михаила и точатъ многое исцѣленіе». И далѣе, извѣщая объ упомянутой побѣдѣ, опять относитъ ее къ молитвамъ новоявленного, по его словамъ, «страсто-терпца Христова, благовѣрнаго Царевича, Князя Димитрія» ⁴⁴. Въ такомъ же духѣ объявляетъ онъ въ окружной грамотѣ о взятіи города Тулы, и о пойманіи бунтовщика Илейки: «Новаго страсто-терпца, благовѣрнаго Царевича, Князя Димитрія Ивановича, помощію и заступленіемъ.... Елагина Илейку къ намъ прислали» ⁴⁵.

Въ письменномъ объявленіи, данномъ черезъ пословъ нашихъ сенаторамъ Польскимъ, царь Василій Ивановичъ торжественно объявляетъ о убіеніи Димитрія: «А о томъ»,—говоритъ онъ,—«всѣмъ извѣстно, не токмо въ Московскомъ Государствѣ, и въ пограничныхъ государствахъ, что Царевичъ Димитрій Ивановичъ Углецкій убитъ на Угличѣ по Борисову велѣнію Годунова». Вотъ уже не нѣсколько лицъ, а и пограничныя государства Шуйскій выставляетъ хорошо знающими о смерти св. Димитрія.

Итакъ пять Государственныхъ грамотъ царя Василія Ивановича подтверждаютъ единогласно: а) что главный слѣдователь дѣла о смерти Димитріевой былъ увѣренъ, и увѣрялъ

⁴³ № 150 ч. 2, стр. 319. Собран. Государ. грам.

⁴⁴ Собран. Государст. грам. № 151, стр. 320, 321.

⁴⁵ Собр. Госуд. грам. № 154, стр. 323.

другихъ, въ мученической кончинѣ св. Царевича; б) не только онъ самъ, не только его соотечественники, но и цѣлая держава, и изъ сихъ даже тѣ, которыя имѣли нужду доказывать противное, вѣрили и говорили, что Царевичъ убитъ Борисомъ Годуновымъ въ Угличѣ. Не довольно ли сего?

Присовокупимъ одно общее и необходимое замѣчаніе о показаніяхъ царицы и Шуйскаго. Извѣстно, что главною цѣлю и грамотъ, упомянутыхъ теперь нами, и торжественныхъ объявленій о смерти св. Димитрія, было увѣрить народъ въ обманъ являвшихся Лжедимитріевъ. Если это такъ, то очевидно, что Шуйскій безъ нужды объявляетъ предъ цѣлымъ царствомъ съ умерщвленіи Царевича злодѣями, и не только безъ нужды, но и со вредомъ для своей чести; ибо упоминаетъ о своемъ какъ бы заговорѣ противъ невиннаго Димитрія, о своемъ постыдномъ правосудіи. Чего требовали отъ него обстоятельства? Нужно было объявить только, что Димитрій не живъ: а объявляютъ, что Царевичъ умерщвленъ. Какъ будто у Шуйскаго не стало ума догадаться, что онъ этимъ только усиливаетъ слухъ о спасеніи жертвы Годуновой. Не лучше ли спросить Угличанъ, какіе остались въ живыхъ, какъ умеръ Царевичъ, или представить на видъ прежнюю слѣдственную бумагу объ его кончинѣ, и дѣло рѣшено бы было безъ сбида для чести не одного, а двухъ владѣтельныхъ лицъ? Тогда бы видно было, что обманщики дерзаютъ нарушать освидѣтельствованную законнымъ правосудіемъ правду, и безстыдно поносятъ единственнаго вѣнценосца и мудраго правителя. Для Россіянъ, преданныхъ скипетродержавію, сей упрекъ былъ бы сильнѣе всѣхъ доказательствъ на обманъ людей безчестныхъ. И сама царица совсѣмъ безъ причины остается непреклонною въ своемъ прежнемъ показаніи. Прежде она, положимъ, опасалась строгаго законнаго осужденія въ нерадѣніи о сынѣ своемъ; теперь она могла и не опасаться сего: строгаго блюстителя правды, Бориса Ѳедоровича, уже не было, а царь Шуйскій и прочіе охотно простили бы ей не слишкомъ значительную вину ея, тѣмъ болѣе, что она много пострадала за нея. Между тѣмъ, говоря всю (мнимую) правду о самозакланіи Царевича, она оправдала бы двухъ вѣнценосцевъ въ глазахъ цѣлой Россіи и въ глазахъ сосѣднихъ державъ, и достигла бы главной цѣли,—успокоила бы умы народа. Такимъ образомъ, это замѣчаніе даетъ новую силу показаніямъ царицы и Шуйскаго.

Присовокупимъ, наконецъ, показаніе предсѣдательствовавшихъ на упомянутомъ, въ слѣдственной бумагѣ, судѣ лицъ гражданскихъ и духовныхъ. Патріархъ Іовъ, въ прощальной грамотѣ, писанной на порогѣ могилы, съ скорбію объявляетъ о закланіи Димитрія; уважая Бориса за его мудрость и нѣкоторыя добрыя дѣла, старецъ молчитъ объ его имени и говоритъ только что Димитрій умеръ отъ рукъ злодѣевъ. Вотъ слова патріарха: «И великаго государя нашего Царевича Димитрія на Угличѣ не стало 99 (7099—1591) году; пріять закланіе невинно отъ рукъ измѣнниковъ своихъ»⁴⁶. Это признаніе опровергаетъ самую сильную опору вѣрящихъ показаніямъ о самозакланіи. Послѣ сего мы должны сказать, что патріархъ, равно какъ царь Ѳеодоръ Ивановичъ, сперва судили о кончинѣ Царевича такъ, какъ донесено было мнимозаконнымъ порядкомъ, и были обмануты. По добросердечію своему, не подозрѣвая Бориса въ худыхъ замыслахъ, царь и патріархъ и въ семъ случаѣ, если, можетъ быть, и слышали о виновникахъ смерти, не хотѣли обижать подозрѣніемъ усерднаго слугу царева (Годуновъ умѣлъ казаться такимъ), особенно въ такомъ ужасномъ преступленіи, каково цареубійство. Послѣдствія открыли смерть Димитрія, и старецъ, на краю гроба, увидѣлъ свое заблужденіе; увидѣли съ нимъ и всѣ прочіе, и никто уже болѣе не вѣрилъ, какъ видно изъ лѣтописей, клеветѣ на праведника: всѣ въ одинъ говорили, что Димитрій закланъ, какъ агнецъ, а о доносѣ Шуйскаго изрѣдка повѣряли: «Князь же Василій, пришедъ съ товарищи къ Москвѣ, я (не болѣе какъ) сказа царю несправедно, что самъ себя закла».

Итакъ, въ заключеніе сего изслѣдованія, остается сказать, что «князь Шуйскій съ товарищи сказа царю несправедно, что самъ себя закла Димитрій», напротивъ Царевичъ умерщвленъ и умеръ, какъ непорочный страдалецъ.

Д. Ул. Филаретъ,
Архіепископъ Харьковский.

⁴⁶ См. Карамз. Т. XII, прим. 106, 108.

2007050403